

ДАВИД ПИНЕДА

К проблеме «парадокса наблюдателя» и переключение кодов

1. Введение

Все те, кто занимается работой с информантами в полевых условиях, знакомы с проблемой «парадокса наблюдателя». Эта проблема, впервые описанная В. Лабовым, заключается в том, что «целью лингвистического исследования в обществе должно быть описание того, как люди говорят, когда их не наблюдают систематично; но такие сведения можно только получать при систематических наблюдениях». Лингвист стремится к записи «чистого материала», в котором зафиксирована языковая форма, которой пользуется информант «в натуральной среде». Однако, при записывании речи присутствует сам лингвист. В самом «ненатуральном» случае он пользуется вопросниками, задает специфические вопросы о лексике. В других случаях, информант рассказывает в монологе сказку или рассказ, и лингвист не участвует в записи в качестве собеседника, а, в лучшем случае, выступает в роли слушателя, «публики». Но даже в лучшем случае, когда развивается настоящий диалог между информантом и лингвистом, например, когда лингвист расспрашивает информанта о его жизни или когда между собой говорят два информанта в присутствии лингвиста, само это присутствие влияет на сказанное информантом: лингвист воспринимается как «судья» речи информанта, который впоследствии может стесняться пользоваться речевыми формами, которые воспринимаются как маркированные или «неправильные».¹ В других случаях информант, сам не замечая этого, приспособливает свои речевые формы к формам, употребляемым лингвистом и являющимся, как правило, ближе к

¹ Это особенно проблема в таких случаях, когда существует жесткая языковая норма, отклонения от которой считаются совсем недопустимыми. Это случай в России, где литературный русский язык является единственной допустимой, культурной формой речи.

нормативному языку. Но даже если информант понимает, что от него ожидается именно его «натуральная» речь, то это никак не гарантирует, что записанная лингвистом речь получится «непринужденной», «натуральной». Здесь могут возникать – и на самом деле возникают – разные проблемы. Один пример: когда информант чувствует, что от него ожидается «чистая», как можно более диалектная речь, или, в случае записывания миноритарного языка (напр., саамского, коми), языка без большого количества заимствований из местного доминирующего языка (напр., русского в России, норвежского в Норвегии). Полученный «чистый», пуристический язык, конечно, тоже не без интереса для лингвиста, особенно когда идет речь о собирании примеров более традиционного языка, например, выходящей из употребления лексики, морфологии и т.п. Однако, если лингвиста интересует «спонтанная», «повседневная» речь, на которой говорят носители данной языковой формы *между собой*, то употребление «чистого языка» дает одностороннюю картину живой речи.

2. Формы ненатуральной речи

Ненатуральная речь в присутствии лингвиста может принимать разные облики, иногда встречаемые в одном и том же записанном тексте. Ниже приводятся примеры из литературы, из материала, собранном коллегами² и из собственного материала, собранного в октябре/ноябре 2007 г. в полевых условиях в с. Ловозеро Мурманской области в разговорах с носителями саамского и коми языков³. Интерес автора был специально направлен на переключение кодов между русским языком с одной стороны, и саамским и коми с другой.

² Автор хочет выразить свою большую благодарность Элизабет Шеллер, которая дала автору разрешение пользоваться записями из ее архива.

³ Материал является до сих пор еще нерасшифрованным, и саамская и коми речь еще не вся переведена.

2.1. Стилль «выступление».

Большая часть спонтанной, повседневной речи представлена диалогами между участниками разговора. В полевых условиях, поскольку лингвист в основном интересуется не своей речью, а речью информанта, последнего часто просят рассказывать связанный рассказ, чтобы не надо было перебивать речь вопросами (что тоже может оказать влияние на речь информанта). Но в тех случаях, когда рассказ не в первый раз рассказывается, рассказ склонный к потере натуральности. В одном случае мы записывали разговор между несколькими информантами. Поскольку мы не понимали языка, на котором велся разговор (коми язык), один из информантов служил «модератором» и задавал вопросы. В этой, почти формальной обстановке, вся группа следила за последовательным употреблением коми языка. В другом случае информант начал рассказывать по-русски о дедушке, о котором он уже в другом случае нам по-русски рассказал. Мы просили информанта рассказать в этот раз по-саамски: *Расскажите по-саамски, по-саамски как?* Присутствующий другой информант подхватил по-саамски: *самас сарн [говори по-саамски]*. При таком эксплицитном проявлении желания слушать рассказ, еще на другом языке, конечно, теряется в некоторой степени натуральность, и рассказ становится настоящим рассказом перед публикой. Как будто подчеркивая этот характер «спектакля», информант стал петь *лыввьт*, традиционную саамскую песню, зная, что включен магнитофон.

2.2. Употребление «метаречи» или повторения на доминирующем языке.

Тесно связано с предыдущим явлением употребление «метаречи» или «метакомментария». Информант рассказывает, в основном на миноритарном языке. Однако, в рассказ вставлены направленные на слушателя-лингвиста или других присутствующих лиц комментарии или вопросы, которые либо являются не частью рассказа, либо комментируют выбор языка в рассказе, или реагируют на замечания других присутствующих. Часто информант спрашивает у лингвиста, понимает ли он разговор. Эта метаречь происходит в основном на

саамском *оантшекь?* «понял(а)?». Но говорящий может тоже комментировать свое употребление разных языков. В следующем разговоре главный информант уверяет себя неоднократно, что он может это сказать по-саамски (хотя он в основном именно по-саамски и говорит): эти метакомментарии тоже по-саамски:

Буая самас целдькэ.
Могу по-саамски сказать.

Или при переходе на русский, возвращается на саамский со словами:

Мунн алька, алька самас саррнэ. Сонн тоже самас саррн.
Я буду, буду по-саамски говорить. Он тоже по-саамски говорит.

Вот ... я хочу самас-то самас самас.
Вот ... я хочу по-саамски-то по-саамски по-саамски.

Переход на русский язык, наоборот, вводится обычно по-русски:

По-русски скажу.

Или когда другой информант переходит на тему, связанную с медициной и трудно объясняемую на саамском:

Вот ээ вот ээ по-русски сказать.

Другой пример того же информанта:

По-русски говорят такое образное сравнение, что, по-моему, комментарии излишние.

До и после этого комментария информант говорит по-саамски. Тот же самый информант, после монолога по-саамски, начал объяснять медицинскую тему по-русски. Он закончил этот русский фрагмент следующим замечанием:

Вот эмм [...] коххт самас [...] объяснить рушас саррнэ. Вот.
Вот я-не [...] как по-саамски [...] объяснить по-русски говорить. Вот.

После слова *вот* информант продолжает говорить по-саамски.

Кроме предупреждения о переходе с ожидаемого лингвистом саамского языка на русский, метакомментарии могут тоже быть направлены на других участников разговора. Комментарии касаются либо событий, не связанных с самой темой разговора, а с его обстановкой, либо замечаний, поведения других участников разговора.

Например, информант смущается перед лингвистом, оказывающимся молодой женщиной. Другой участник разговора ободряет его по-русски:

Ты не трепайся перед девушкой! Ты лопарь хитрый!

После этого разговор продолжается по-саамски.

Другой пример: главный информант А говорит по-саамски. Информант Б перебивает его. А реагирует по-русски:

Тихо тихо тихо!

После этого, разговор продолжается в основном на саамском языке.

В этой записи монолог главного информанта принимает форму долгого рассказа, почти представления перед лингвистом. Замечания других присутствующих часто вызывают, даже если они сказаны по-саамски, русские метакомментарии, как в следующем примере (где А — главный информант):

Б: [перебивает, непонятно]

А: Ну ты ... понял, понял, понял. [продолжает по-саамски].

В другом случае А говорит по-саамски. Его опять перебивает Б. А реагирует:

Правиль- ... правиль- правиль- правиль-.

После чего разговор продолжается по-саамски.

Еще существует другая форма метакомментария, вызванного присутствием лингвиста. Она не представлена в нашем материале,

но приведем пример из идиша, упомянутый у Елоевой и Клейнера⁴. В этом тексте, информант, имеющий высшее образование и считающий себя «отчасти лингвист[ом]», в течение интервью, в котором он рассказывает о своей жизни, комментирует на идише лингвистов:

Vi zogt ir? Hobt ir? Nej-nej. Di proste jidn zogn 'hot ir'. ... Di proste jidn zogn ... Nej. Ken zajn di literariše jidn zogn anders, aber di prosten idn zogn 'hot ir'.

Как вы говорите? Hobt ir? Нет-нет. Простые евреи говорят 'hot ir'. ...Простые евреи говорят ... Нет. Возможно, грамотные евреи говорят иначе, но простые евреи говорят 'hot ir'. (стр. 25-26)

Такой метакомментарий, где информант обсуждает качество языка лингвиста, в нашем материале пока не встретился. В данном примере язык метакомментария был идиш. Вопрос, был ли бы языком метакомментария в нашем случае (с информантами-носителями саамского или коми языков) русский или миноритарный, остается пока нерешенным.

2.3. «Лингвистическая чистка»

В таких случаях, когда информант осознает, что лингвист интересуется именно его формой языка, его говором, его миноритарным языком и т.п., существует риск, что информант, сознательно или несознательно, «чистит» свой язык от таких элементов, которые он считает не принадлежащими к «чистому» говору, «чистому» языку. Например, если информант, носитель миноритарного языка, над которым уже сильно действует доминирующий язык (в данном случае русский), то он может стараться как можно больше избегать русских заимствований, даже если в повседневном разговоре с близкими было бы совершенно естественно пользоваться именно такими заимствованиями. Когда коренное, «чистое» слово этой языковой формы уже является малоупотребляемым (как, например, в кильдинском саамском почти все

⁴ В тексте, записанном у информанта Б. Я. Розен.

высшие числительные), то информанты иногда вынуждены прибегать друг к другу за помощью и спрашивать «как у нас говорят...», «как по-нашему будет...» В следующем примере информант составляет рассказ по картинкам, по-саамски. На картинке изображена лягушка. Информант не сразу вспоминает слово «лягушка» и спрашивает у сестры:

А: Паррьшы оарр пэртэсьт я юррьт. Ки'ч, пеңҕа состэсьт ли, я ... лягушкань ки самас, коххт ляй лягушка?

Мальчик сидит дома и думает. Смотрит, собачка у-него есть, и ... лягушка-эссив кто по-саамски, как было лягушка.

Б: Цуэммп.
«Цуэммп».

Можно полагать, что в более натуральной речи, носители языка перешли бы на русский язык, если забыли слово. В записи, где мы просили другого информанта составить рассказ по саамски по тем же картинкам, информант, не знающий или не помнящий, как по-саамски «лягушка», просто вставил русское слово:

Паррьшы оарр пэртэсьт, ки'ч, лягушка валльтэ.
Мальчик сидит дома, смотрит, лягушку берет.

Такую «чистку» языка в присутствии лингвиста, интересующегося именно миноритарным языком, могут тоже провоцировать другие носители языка, как в следующем примере, где жена поправляет мужа:

А: Чуэдз да по пять-шесть тысяч [...] чудзэ ...
[?] да по пять-шесть тысяч [...] [?]

Б: Выдт-кудт тоафант.
Пять-шесть тысяч.

А: Выдт-кудт тоафант.
Пять-шесть тысяч.

(смех)

Б: Самас сарн!
Говори по-саамски!

Здесь информант не совсем переходит на русский: после числитель-

ных *пять-шесть* он возвращается на саамский (*чудзэ*). А жена, понимающая, что нас интересует именно саамский язык, ему сразу подсказывает саамские числительные⁵. Муж повторяет саамские числительные, а жена еще эксплицитно подчеркивает, что надо говорить по-саамски.

2.4. Речь переходит с миноритарного языка на доминирующий язык.

Противоположная предыдущей ситуация: информант знает, что лингвист интересуется его родной речью. Разговор начинается именно на этом языке. Однако, разговор в какой-то момент переходит с миноритарного языка на доминирующий и потом уже спонтанно не переходит обратно, на миноритарный язык. Здесь могут быть разные причины: а) информант предполагает, что лингвист не понимает его язык в достаточной мере; б) информант не привык к тому, что говорит на миноритарном языке с посторонними и неосознанно возвращается на доминирующий язык; в) информант уже не владеет миноритарным языком достаточно свободно, чтобы поддержать разговор; г) могут существовать еще другие причины, связанные с общим вопросом о перемещении кодов⁶: тема не годится к обсуждению на миноритарном языке по недостатку в нем адекватной терминологии (например разговор об автомобильной технике, о математике); метафорическое переключение кодов, когда данная ситуация в сознании информанта связана с доминирующим языком (например рассказ, связанный с жизнью в русскоязычной среде, со школой, с университетом) и т.п.

3. Циклические движения в употреблении языковых форм.

При записывании нашего материала мы заметили, что существует некоторое «циклическое движение» употребления языка инфор-

⁵ Хотя существует полная саамская система числительных, многие носители кильдинского саамского в основном пользуются русскими числительными (кроме *эххт* «один»).

⁶ Для перечня таких возможных причин см. Turunen 1997.

мантом, говорящим с лингвистом. Разговор начинается — по желанию лингвиста — на миноритарном языке (например, саамском), со смешением кодов с русским. Через некоторое время один из выше упомянутых факторов вызывает длительный переход разговора на русский, без обратного переключения на саамский. После попытки лингвиста перевести разговор обратно на саамский разговор продолжается некоторое время по-саамски, прежде чем опять перейти на русский. Этот процесс повторяется несколько раз, пока разговор не окончательно переходит на русский. Здесь, наверно, большую роль играет непривычность информанта говорить по-саамски с посторонним человеком, которым в большинстве случаев является лингвист.

Что возбуждает информанта вернуться к миноритарному языку после того, как разговор перешел на русский? В нашем материале встречаются разные такие «возбудители»:

1. Лингвист сам задает вопрос на миноритарном языке, тем возбуждая возвращение на этот язык.
2. Информант или информанты возвращаются на миноритарный язык без «помощи» лингвиста. Это может быть связано с изменением темы разговора. Такой случай видим в следующем примере. А и Б — жена и муж. Они между собой говорят в основном по-саамски.⁷ В примере А показывает фотографии. Объясняя, что внучка учится в школе, переходит на русский язык. Когда показывает следующую фотографию, Б начинает опять по-саамски:

А: ... в девятом классе учится, кончит ... в
десятом классе ... скоро кончит школу,
поедет дальше ...

Б: Тэдт ляй мур пэррт ...
Это было деревянный дом ...

⁷ После того, как муж оставил разговор и ушел, жена все быстрее и быстрее стала переходить на русский язык, и потом окончательно перешла на этот язык.

Здесь можно полагать, что тема «деревянный дом», связанная не со школьной, «русской», культурой, а с саамским образом жизни, возбуждает более или менее спонтанный переход на саамский язык.

3. Другие присутствующие информанты, зная, что лингвистам интересен именно миноритарный язык, заставляют говорящего вернуться на этот язык. В нашем материале встретились разные примеры такого возбуждения. В вышеупомянутом разговоре на коми языке участники перебивали друг друга, если один из них слишком долго продолжал говорить по-русски:

— *Баб да дед пукалӧны* [баб да дед сидят] с ... на этот ...
какая ... как? тележка только не большая ... как ... и на
лошадей, чик-чих-пых, к магазину, к магазину.
Подъехали, [...] поехали обратно.
— *Изъва, изъва* [по-ижемски, по-ижемски]!

Или в другом примере, где информант собирается начать рассказ по-русски:

— А люди полуграмотные, не писали, телефонов не было, вот такие самые, потеряли корни ... и связь ... потеряли. [...] у меня бабушка ...
— По-коми!

4. Нужны ли и возможны ли записи натуральной речи?

Преыдушие примеры показывают, что в записи речи в присутствии лингвиста, определение «натуральная» может быть только условным: лингвист безусловно влияет на употребление той или иной языковой формы. В контексте общего двуязычия участников разговора это влияние часто выражается в форме переключения с одного, понятного всем собеседникам и слушателям, языка на другой, тоже всем понятный. При этом, однако, трудно судить, в какой степени это присутствие влияет. С каким «натуральным» материалом можно сравнить, если весь материал, в принципе, записан лингвистом?

Если под понятием «натуральная речь» понимается речь, не в присутствии лингвиста (или без знания о присутствии лингвиста), то можно различать два типа записей, содержащих натуральную

речь: с заранее полученным разрешением информанта и без такого разрешения (что предполагает употребление скрытого магнитофона). Первое морально правильнее, но есть риск, что информанты воспринимают магнитофон все-таки как участника разговора, статус которого неизвестен, но в присутствии которого, пожалуй, тоже надо говорить так же «ненатурально», как при лингвисте. С другой стороны, мы записали текст у информантов именно так: они готовили на кухне во время обеда. Автор вошел, спросил «подслушивать можно?», поставил магнитофон на стол, и после некоторого времени ушел. Сначала информанты немножко стеснялись и говорили по-русски, а потом, наверное, забыли про магнитофон и стали говорить по-саамски на темы, связанные с приготовлением обеда. У нас и потом были такие случаи, которые показывали, что информанты временно могут забывать про магнитофон: несколько раз информанты начинали сплетничать или ругать молодежь, после нескольких минут вспомнили про записывание и спрашивали: Вы ведь не записываете, да?

Запись без заранее полученного разрешения, конечно, морально труднее. Даже если лингвист после записи получит разрешение от информанта пользоваться материалом, то доверие информанта к лингвисту (или к лингвистам вообще) может страдать от такой скрытой записи. Это особенно проблематично в записи языков малочисленных народов, когда информантов и без того мало, и хорошие отношения с каждым информантом становятся еще важнее.⁸ Притом, при скрытой записи качество звука записей часто страдает. Как показывают наши записи на кухне информанта, где микрофон был далеко от говорящих и они говорили не в микрофон, преобладают звуки от кастрюль, кипящей воды и т.д.

Является ли отсутствие такой натуральной речи большой проблемой или нет? В своей статье⁹ Wertheim обращается к последствиям, которые имела бы ситуация, в которой лингвисты пере-

⁸ Здесь тоже играет роль то обстоятельство, что у немалых представителей малочисленных народов и без того существует чувство, не без причины, что ученые у них только берут (тексты, рассказы), а ничего не возвращают.

⁹ См. библиографию.

стали бы стремиться только к наиболее чистому, натуральному материалу. В такой ситуации всякая форма речи может служить для того, чтобы дать полную картину всех стилей и регистров данного языка. Теория Белла¹⁰ об *audience design* описывает, как говорящий специально настраивает свою речь к желаемой или предполагаемой им публике. Применяя эту теорию, не нужно считать речь «ненатуральной», поскольку вся речь направлена на какую-нибудь публику, даже то, что мы называем «натуральной речью». Здесь интересно замечание Саппока (в личном общении), что в протокол к сделанным записям надо ввести дискурсивную аннотацию, в которой отмечены дискурсивные свойства данного фрагмента (разные регистры, эмоциональность, нарративный или общефактический характер). Такая аннотация предупреждает пользователей материала о ситуацией записи и возможном влиянии присутствия записывателя.

Библиография

- Бурыкин А. А. *Актуальные проблемы социолингвистики*. Якутск, 2007.
- Елоева Ф. А., Клейнер Ю. А. *Идиши в Петербурге*. Санкт-Петербург 2003.
- Керт Г. М. *Саамский язык (кильдинский диалект). Фонетика. Морфология. Синтаксис*. Ленинград, 1971.
- Labov, William. Some principles of linguistic methodology // *Language in Society* 23. 1972. P. 97-120.
- Myers-Scotton, Carol. *Multiple Voices. An Introduction to Bilingualism*. Oxford, 2006.
- Turunen, Mikko. Nykyvatjan koodinvaihdosta. Kotikielen Seuran aikakauslehti // *Virittäjä* 2/97 (101). Helsinki, 1997. Pp. 208-232.
- Wertheim, Suzanne. Rethinking the Observer's Paradox and Data "Purity" // *Proceedings of the 28th Meeting of the Berkeley Linguistics Society* / J. Larson and M. Paster, eds. Berkeley, 2003. Pp. 511-521

¹⁰ Bell 1984, приведено в Wertheim 2003 (стр. 513).

Summary: On the “observer’s paradox” and code-switching

In his article, the author gives some examples of different situations (drawn from his own recent experience) in which the presence of a linguist in fieldwork circumstances affects the informants’ linguistic behaviour. These situations include: overt ‘audience design’, in which the informant ‘performs’ for the linguist; the use of meta-commentary, either in the minority language or the dominant language, that is directed at the audience; language purism, when the informant refrains from the use of loans and codeswitching where these would otherwise be naturally used; more permanent switching to the dominant language, either because the informant questions the language skills of the fieldworker or because the use of a minority language in the presence of strangers is unnatural to the informant. The author discusses several ways in which a conversation that has switched from the minority language to the dominant language can return to the minority language. Finally, the author discusses the possibilities for recording fully natural speech and, referring to Wertheim 2003, questions its existence.

E-mail: david.pineda@hum.uit.no